

войн, добавив оппозицию: „слава—позор”¹⁸. За потоком речей о сходстве двух войн, характерных для начального этапа войны и значительно подогреваемых пропагандистскими средствами правительства Николая I, последовали обличительные речи представителей либерально-демократического лагеря, основывавшиеся на противопоставлении победоносной «народной» войны войне, вызванной имперскими амбициями всех стран-участниц (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов).

Вернувшийся с неудачной войны Ардалион Иволгин попал в самую гущу политических и экономических изменений, охвативших Россию при новом императоре Александре II. Некоторое время Иволгин поддерживал знакомства со старыми военными друзьями, которые в новых условиях занимались наращиванием своих капиталов, как это делал генерал Иван Федорович Епанчин. Но уже в скором времени отставной генерал Иволгин, должно быть, окончательно осознал, что он сам не способен, подобно Епанчину, включиться в ритм жизни пореформенной России, добывая большие деньги, участвуя в приобретении фабрик, в «солидных акционерных компаниях» и различных финансовых сделках. За несколько лет до непосредственно описываемых в романе «Идиот» событий, т. е. где-то в середине 60-х годов, Иволгин уже окончательно сбился с жизненного пути. Как сообщает о нем автор в девятой главе первой части: «Ему случалось бывать прежде и в очень хорошем обществе, из которого он был исключен окончательно всего только года два-три назад. С этого же срока и предался он слишком уже без удержу некоторым своим слабостям; но ловкая и приятная манера оставались в нем и доселе» (8, 91).

Несмотря на произошедшее с ним карьерное и нравственное падение, в пламенной душе русского патриота, ветерана Крымской войны, не выдержавшего изменений неких «обстоятельств» (8, 104), превративших его фигуру во что-то «опустившееся, износившееся, даже запачканное» (8, 80), все же сохранилось много светлых мыслей о замечательных событиях и героях прошлого. Об этом, прежде всего, свидетельствует его рассказ о Наполеоне, в котором пафос воспевания славных времен 1812 года и облика грозного, но столь близкого и понятного ему самому воителя вытесняет в душе героя позорное национальное унижение 1856 года перед Наполеоном III, племянником «великого человека».

Описание в рассказе первой встречи Ардалиона с Наполеоном и описание их расставания объединены символическим присутствием в обеих сценах образа лошади, который является особенно значимым в сочинении кавалерийского офицера Иволгина, прошедшего долгие годы своей военной службы верхом на коне, а потому чутко и внимательно относившегося к лошадям. Выучка бывшего драгуна верховой езде, несомненно, отразилась и в словах, включенных им в рассказ о Наполеоне: «Служба не спрашивалась... <...> Я ездил верхом порядочно» (8, 415). Скорее всего, именно от своего отца и Ганя Иволгин унаследовал поговорку: «Вы не в конюшню, кажется, вошли, господа...» (8, 96). Не удивительно, что любивший лошадей впечатлительный генерал сочинил и затем рассказывал окружающим историю о том, как однажды «у него серая пристяжная заговорила» (8, 104). Позднее герой даже уверит себя в том, что и в его роковой ссоре с генералом Епанчиным также подспудно присутствовал лошадиный мотив: несчастная болонка, безжалостно выброшенная из окна поезда, в воображении Иволгина являлась фавориткой никого другого, как шестерых княжон *Белоконых*.

Маленький герой рассказа о 1812 годе впервые видит прославленного полководца, «о котором так много накричали ему» (8, 413), в минуту, когда Наполеон «слезал с лошади» (8, 412). При расставании камер-пажа с императором тот уже «садился на коня» (8, 417). В промежутке между двумя этими положениями и происходит их общение, столь повлиявшее, по убеждению генерала, на общий ход во-

¹⁸ Там же.